

**ОБРЯДОВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЫТОВЫХ ПРЕДМЕТОВ
В СВАДЕБНОЙ ТРАДИЦИИ
(на примере могилевско-смоленского
пограничного региона)**

Воробьева Татьяна Станиславовна

старший преподаватель кафедры общего и славянского
языкознания учреждения образования
«Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова»

В статье рассматриваются особенности использования предметов повседневной жизни в свадебном обряде могилевско-смоленского пограничного региона. Источником фактического материала послужили некоторые фольклорные и этнографические издания, а также контексты, выявленные нами в диалектологических экспедициях при работе с информантами.

Ведение домашнего хозяйства – одна из главных сфер жизнедеятельности человека. Предметы, используемые в повседневной жизни, в семейных и календарных обрядах зачастую приобретали иное, символическое значение.

В свадебной традиции, например, широко использовались **ткани**. Из них не только шили свадебные наряды. Домотканое полотно было символическим атрибутом всего свадебного обряда: его готовили для приданого невесты и дарили молодым на свадьбе, как бы желая им долгой, чистой, светлой жизни. В свадебных песнях говорится о нем совершенно определенно: *Дару табе палатно белае, чыстае, доўгае,*

Каб жыццё тваё была добрае ... [1, с. 39]

Домотканое полотно было основной, обязательной частью приданого невесты. Чтобы наткать его, требовались годы кропотливого труда, поэтому готовность всего приданого определялась по наличию полотна. Для обозначения этого факта в говорах могилевско-смоленского пограничья (МСП) использовался фразеологизм *наткать трубы*: *Нявеста тады готова исти замуш, калі у яе трубы натканы* (д. Татарск, Монастырщинский р-н). Домотканое полотно называли *трубами* по способу хранения материала.

Существовало много заговоров для предметов, входивших в приданое невесты. Так, например, заговаривали полотно в д. Тростино Хотимского района:

Лён шаўковы – тонкая кітайка, Прынясі дзеўцы прыгажосць і шчасце.

Не павянуць сінія цяточкі, Не пablёкнуць прыгожыя вочкі... [1, с. 28]

Невеста «дарила жениха», то есть вручала подарки родственникам жениха, ручниками, платками, поясами и, конечно же, полотном. *«Свякрови и свёкру нявеста дорыць палатно. Если падорыць метра чатыры-пяць палатна, зробанага ру-*

ками невесты, то эта быў харошы падарак» (Ст. Дедин, Климовичский р-н).

Ткани использовались практически на всех этапах свадебного обряда. Их расстилали там, где должны были сидеть, стоять, идти молодые. Они выступали в качестве оберега, поскольку считалось, что «голые», непокрытые предметы предсказывают такую же «голую», бедную жизнь молодым. «У хатня жениха маладуху страчають, раскатваюць трупку палатна и па ёй вядуць маладуху з иконай у хату. Потым апсыпаюць жытам, каб багата жылося» (д. Горы, Горецкий р-н).

Часто эту функцию выполняли полотенца, платки, меховая одежда. Во время обряда сугляд в Костюковичском районе «на куте до улицы застилали лавку мехом вверх, и дружка сажает жениха с подженишником, причем дружка берет руку подженишника, а последний жениха: ведет их вокруг стола и сажает жениха на мех, оставляя с левой стороны место для невесты, а подженишника рядом с женихом с правой стороны, на голую лавку» [2, с. 459]. «Ва время свадьбы маладыя сядзца на покут, на шупку, каб багатыя былі» (д. Лобковичи, Кричевский р-н).

Такой предмет, как **зеркало**, люди издавна наделяли сверхъестественной силой. «Зеркало – в народной культуре символ отражения и удвоения действительности, граница между земным и потусторонним миром» [3, с. 321].

Существовало множество предписаний, касающихся зеркала. К примеру, в него нельзя было показывать ребенка в возрасте до года; разбитое, треснувшее зеркало в доме вызывало опасение и тревогу, считалось предвестником беды; по этой же причине молодым людям запрещалось дарить его своим возлюбленным; зеркала обязательно закрывали, если в доме находился покойник. Зеркало выполняло функцию посредника между миром живых и миром мертвых.

Способность зеркала воссоздавать не только видимый, но и невидимый, и даже потусторонний мир, широко использовалась в гаданиях. В зеркале можно было увидеть прошлое, настоящее и будущее. Девушки, например, пристально всматривались в него в ожидании видения жениха и при этом говорили: «Суженый-ряженый, приходи в зеркало глядеться!».

В Хотимском районе Могилевщины зафиксирован следующая обычай. Когда молодые в день свадьбы приезжали в дом жениха, после торжественной встречи невестку подводили к зеркалу одну или вместе с женихом. Часто функцию зеркала (как отражающей поверхности) выполняла вода. На пороге дома свекровь подводила невестку к ведру с чистой водой, и та должна была поглядеться в него. Если вода при этом не становилась мутной, считалось, что в дом пришла хорошая хозяйка.

Интересен тот факт, что на территории МСП не зафиксировано ни одного диалектного слова в значении 'зеркало'. Из двух литературных вариантов – белорусского (*люстэрка*) и русского (*зеркало*) – на пограничной территории более употребителен последний. «Друшки маё песні пяюць, а я перат зеркалам сяжу. Яны мне касу распытаюць, а я сяжу и плачу» (д. Викторovo, Краснинский р-н).

Важную роль в семейных, календарных и окказиональных обрядах играл такой предмет домашней утвари, как **решето**. В повседневной жизни решето использовалось для просеивания муки, как емкость для хранения различных продуктов. В говорах могилевско-смоленского пограничья решето, или сито, имело различные диалектные названия: *доробок, муковей, стерня, решица, просевок*. «Через даробок муку сеюць. Ён бывае и бальшы, и малы, с мелкай сеткай» (д. Литвиновка, Ершицкий р-н). «Предназначенное для просеивания, очистки, отделения нужного и ненужного, решето осмысливалось как универсальный оберег, защита от бедности, несчастья и враждебных сил» [4, с. 432].

Связь решета с «верхом», небом, солнцем, светом, с идеей множественности обусловило использование его в свадебных обрядах. На Смоленщине свекровь встречала молодых в вывернутой шубе с решетом на голове; в решете был насыпан овес вперемешку с хмелем; этой смесью свекровь осыпала молодых. В могилевском обряде «в день после свадьбы к молодой приезжали родители; жених клал в решето каравай и горшок каши и ставил решето на голову молодой; она снимала решето с головы, брала ложку и бросала несколько ложек каши

на печь; после этого приступали к делению каравая» [4, с. 433].

Этнографические источники упоминают об использовании решета на территории МСП. Накануне свадьбы во время сугляд мать невесты приносила в решете подарки для родни жениха: платки, рушники, куски полотна и т.п. Каждый подарок она клала на тарелку и называла того, кому давался подарок. Тот, кто принимал подарок, клал деньги на тарелку для невесты. Во втором варианте этого обрядового действия после того, как были розданы все подарки, в ответ на просьбу матери невесты налить целое решето водки, дружка клал в решето деньги, и только после этого гости начинали «дарить невесту». Решето выступало, таким образом, какместилище даров, символ плодородия, богатства и изобилия.

В восточнославянской свадебной традиции распространен был и такой обычай: «Утром после свадьбы молодую посылали за водой к колодцу и при этом давали ей вместо ведра решето. Это рассматривалось или как наказание за то, что она оказалась «нечестной», или просто как одно из шуточных испытаний» [4, с. 433]. В Костюковичском районе Могилевщины на второй день свадьбы молодую заставляли печь олады, потом посылали к колодцу за водой. Перед этим, если невеста оказывалась «честной», дружок складывал олады в красный платок, в противном случае – в решето, а затем вместе с невестой шел к колодцу. За ними шли все гости свадьбы. В этом случае факт нецеломудрия невесты доводился до сведения окружающих через решето.

Еще один предмет домашнего обихода – **дежа** – активно использовалась в обрядах, в том числе и в свадебном. Дежа представляла собой деревянную кадку, которую использовали для выпечки хлеба. Ее могли называть еще и квашней. В традиционной культуре славян она наделялась продуцирующей символикой. «Дежа является символом богатства и благополучия, изобилия и здоровья. Она воплощает собой жизненную полноту и долю в их противостоянии смерти, скудости и пустоте» [3, с. 39].

Дежу использовали в святочных гаданьях, а также в разных обрядовых действиях, связанных со свадьбой: при изгортении каравая, в ритуале посада невесты, в сводах жениха и невесты.

Обязательным условием посада невесты на дежу была ее девственность. Информанты из д. Литвиновка Ершицкого района так описывают этот ритуал: «Брали дзязку перавертутую, кажухом яе накрывали, каб мех зверху быў, на яе невесту садзили и так прыбировали».

Широко известен ритуальный обход стола в свадебном обряде. Согласно этнографическим источникам, он мог проводиться и вокруг дежи. «По данным Е.Р. Романова в Мстиславском у. в доме у невесты, после приезда жениха (до венца) посреди хаты ставился стол, на него клали веко от квашни, покрывали его шубой, на нее клали хлеб-соль. После чего молодые три раза обходили вокруг стола, молились, кланялись родителям и просили благословения» [5, с. 286–287]. Ученые считают, что это ритуальное действие являлось в древности обрядом бракосочетания. «Один из исследователей Смоленских обрядов следующим образом прокомментировал данный обряд: «Густый сват трижды обводит молодых вокруг дежи, и таким образом домашним порядком венчает их, после чего они отправляются в церковь» [5, с. 287].

Таким образом, рассмотренные предметы домашнего обихода являются неотъемлемыми материальными атрибутами свадебного обряда. Все они мифологизированы и символически значимы.

Список использованной литературы

1. Казакова, I. В. Этнічныя традыцыі ў духоўнай культуры беларусаў / I. В. Казакова. – Мінск : Універсітэцкае, 1995. – 151 с.
2. Вяселле. Абрад / уклад., уступ. арт. і камент. К. А. Цвіркі ; рэд. тома В. К. Бандарчык, А. С. Фядосік. – 2-е выд. – Мінск : Бел. навука, 2004. – 683 с.
3. Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – Т. 2 : Д – К. – М. : Международные отношения, 1999. – 687 с.
4. Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – Т. 4 : Переправа через воду – Сито. – М. : Международные отношения, 2009. – 656 с.
5. Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование : монография / отв. ред. Р. А. Григорьева, М. Ю. Мартынова. – М. : Изд-во РУДН, 2005. – 378 с.